

ЯВЛЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ

драма

в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Марина Витальевна Демченко – 54 года, домохозяйка

Пётр Петрович Демченко – 54 года, её муж. Работает начальником.

Алёна Агеева – 33 года, их дочь. Менеджер. Разведена.

Лёня – 14 лет, внук. Не совсем обычный подросток.

Николай – не больше 35 лет, бой-френд Алёны. Человек сложного прошлого.

Роман Сергеевич Кашин – 54 года, старый знакомый старших Демченко.

Инспектор ДПС, продавщица, посетитель магазина, соседи семьи Демченко

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ:

Садоводческий массив, окрестности

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ:

Наши дни

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Звуки настройки радиоприёмника. В эфире звучит женский голос с доверительно-сексуальной интонацией: «Передаём гороскоп на сегодня. Волна плавает. «...Обращаем внимание Весов на нежелательные последствия сегодняшних встреч...» Волна плавает. «Козероги продвинуться в осуществлении собственных планов...»

Занавес открывается.

Сотрудник ДПС слоняется со скучающим видом. Внезапно он настораживается. Слышится скрежет автомобильных шин, свисток полицейского. Сотрудник ДПС подзывает водителя легковой автомашины. К нему подходит Кашин.

СОТРУДНИК ДПС. Старший лейтенант Дергач. Попрошу, как говориться, предъявить...

КАШИН. Да-да... вот мои права. Но я как будто...

СОТРУДНИК ДПС. Как будто, Роман Сергеевич, не ваш случай. Думаю, водитель микролитражки, перед которым вы лихо повернули налево, сюда на просёлок, до сих пор иконку на торпедо поглаживает. Опасный манёвр, едва не спровоцировавший дорожно-транспортное происшествие. Далее. Вы проигнорировали требование сотрудника ДПС остановиться, а также, резко через сплошную разделительную линию развернули свой автомобиль и пытались скрыться. Приборчик, я думаю, всё расставит на свои места... Вот и он... *(в сторону)* кормилец.

КАШИН. Нет, что вы, товарищ старший лейтенант. Как можно... Я не пытался... я просто... Я думал, что напрасно затеял... Это чистое недоразумение, отвлекся, но...

СОТРУДНИК ДПС *(убирает алкотестер)*. Но благоразумно остановились, товарищ водитель. С целью разрешить конфликт.

КАШИН. Как вы проницательны, това... инспектор... Такая бумажка поможет найти взаимопонимание?

СОТРУДНИК ДПС. Боюсь, что конфликт глубже.

КАШИН *(обречённо вздыхает)*. Вы даже не представляете на сколько, старлей... Нет-нет, не напрягайтесь. Перед законом я как ветровое стекло после мойки – девственная чистота. Закон, даже не писанный, надо блюсти. А как вам эта, в красных тонах?

Кашин роняет купюру,

сотрудник ДПС с одного колена поднимает её, ловко прячет в сапог

СОТРУДНИК ДПС. Счастливого пути, Роман Сергеевич! Опять на разворот? Да пожалуйста. Осторожнее только! Дальше – ямы. *(Уходит.)*

КАШИН. Про ямы с ухабами на этой дороге я и думал.

Кашин остаётся один.

КАШИН. Вот и верь этим гороскопам. Астрология может быть чем угодно, только не наукой. Полтора землекопа в ответе. Что нам, Козерогам, пророчили на сегодня? Продвинуться в своих планах. В своих. Лично у меня в планах повысить благосостояние отдельно взятого инспектора не было. Впрочем, как нет печали о дальнейшей судьбе осевшей у него за голенищем купюры. Я подставился, система взяла своё. Если уж вставать на тропу суеверия, то встречу с этим предприимчивым старлеем и его полосатым жезлом следует расценить скорее как предостерегающий перст судьбы. Поводом просто вернуться.

Охо-хо... На то есть основания.

За неделю малодушных колебаний принять взвешенное, обоснованное решение так и не удалось. Безответственные, чего уж это скрывать, но эмоционально-слюнявые доводы *за* эту поездку сровнялись на шатких весах дерьмового характера с чугунными гириями разумных аргументов не доводить дело до греха. И только в последний момент малюсенькое эгоистичное «хочу» всплыло как... Как всплыло так и решило спор.

Собственно, сама по себе идея лично пожелать счастья знакомой даме, встречающей на днях юбилей из двух пятёрок, вполне невинна, и почему бы это не сделать старинному однокашнику. Действительно, почему. Можно, если бы не одно обстоятельство, возникшее ещё во времена юношеских соплей: щепка от стрелы небрежного Амура. Мальчик схалтурил с реквизитом, вот только она и воткнулась намертво, в сердце... Изначально нывшая, потом нашедшая с сердцем компромисс и на пороге старости вновь колющая, возможно, от желания, наконец, освободиться...

Назовём её по старинке – Любовь. Тут сразу всё переворачивается с ног на голову, всё меняет смысл, переходит в область нюансов, добровольных заблуждений на счёт нескольких целомудренных встреч, безнадёжного в своей очевидности стремления вызвать ответное чувство у давно замужней женщины.

Тогда зачем всё? Ладно, не всё... Зачем я *еду*? Предъявить права... на справедливость, получить награду за выслугу лет? Или другое.... Просто, без затей, хочу её видеть, слышать, дышать рядом. Первое звучит правдивее, последнее - благороднее.

Появляется Демченко. На заднем огромная женская тень развешивает бельё для сушки.

ДЕМЧЕНКО. А правильнее было бы вообще не лезь в чужую жизнь с букетом перезревших чувств. На них у моей жены может начаться аллергия, а у меня, Петра Петровича Демченко, она уже началась. Я это почувствовал сразу...

КАШИН. Я это почувствовал сразу, нежданно-негаданно столкнувшись с ним нос к носу, когда пару лет назад выбирал местечко для тихой старости на шести загородных сотках. Я тогда позарился на объявление, подкупавшее наивной откровенностью, типа «минус речка, плюс роскошный зимний дом.» Но до того дома я так и не доехал, да и Бог с ним.

Жизнь в тоже мгновение замкнула очередной круг, вызвала острейшее чувство дежа вю. Причём, повторились не столько обстоятельства неожиданной встречи, сколько ощущение будущей безысходности.

ДЕМЧЕНКО. А я не звал тебя ни два года назад, ни тридцать лет с гаком. В списке гостей на нашей с Мариной свадьбе тебя не значилось. И я был крайне удивлён...

КАШИН. А как я был удивлён, когда вместе с армейской увольнительной получил полную отставку. Мне служить-то оставалось месяца три: уже начали с портновского метра по сантиметру в день отрывать. Ничего же не предвещало. Откуда ты вообще взялся?

ДЕМЧЕНКО. Жил рядом ненавязчиво. В знакомых числился... А любовь... Любовь, знаешь ли, бывает разной. Слепой, взаимной, расчётливой. Не поверишь, иногда она заканчивается свадьбой, иногда... с неё начинается.

КАШИН. И как у тебя?

ДЕМЧЕНКО. Сейчас не обо мне речь, а о...

КАШИН. О Марине. Я помню, что не зашёл за дверь квартиры, остановился на лестничной площадке. Ты курил и даже пытался меня утешить. Убить тебя очень хотелось, но... Но там, за дверью, среди шума и гама вашей свадьбы, я слышал смех Марины. Она смеялась. Счастливо смеялась, делая любой мой поступок бессмысленным. Я ушёл.

ДЕМЧЕНКО. Я не стал тебя задерживать, но осталось поганое чувство, что ты вернёшься. Рано или поздно. И это «рано или поздно» всю жизнь, вот оно где...

КАШИН. От меня мало что зависело, но я рад... твоей хорошей памяти.

Итак, неожиданно я снова встретил тебя и Марину, которая развешивала мужнины подштанники...

ДЕМЧЕНКО. Жену я закрыл от чужих глаз самым решительным образом и никому не советую...

КАШИН. Но было поздно – она взглянула на меня, повторно приговорив к сладким пыткам, и в чём-то изменив привычность, продолжила вывешивать бельишко. Я сделал вид, что никого не узнал, ретировался прочь. Прочь! Наблюдать в перспективе подобные незамысловатые сцены семейного быта – невыносимо. И не в подштанниках дело...

ДЕМЧЕНКО. Да, не в подштанниках, а в соблюдении обоими супругами простых правил семейного порядка: жена стирает, муж её охраняет. Кстати...

КАШИН. Совсем не кстати...

ДЕМЧЕНКО. Кстати, размер ноги у меня сорок пятый против твоего сорокового...

КАШИН. Сорокового с половиною... Не будем, однако, меряться ступнями и не будем комплексовать, а будем мужественно ехать дальше, не смотря ни на какие пугающие призраки и предупреждающие знаки.

Демченко и женщина исчезают.

КАШИН. К слову, вот очередной. Посмотреть вокруг, так пейзаж не приветливый, не по детски напрягающий и без того взвинченную психику. В этих краях и раньше были не райские кущи, но всё же. Что случилось с полями, мирно зарастающими берёзками, холмами в благообразных зарослях борщевика, перелесками под наивной сенью таинственности насчёт наличия грибов, общей постперестроичной пасторалью заброшенной человеком природы? Капец настал. Сейчас всё свалено в груды из выкорчеванных пней и валунов ледникового периода, перемолото в растительный фарш, исковеркано и запылено. Земля перерезана вдоль и поперёк гусеницами бульдозеров, потрескалась под лучами неуместно-яркого солнца. Что за безумный ландшафтный дизайнер переусердствовал со стимуляторами творческого задора?

Настройка волны.

Голос из радиоприёмника.

Окончен первый этап мелиорации территории под строительство автомобильной развязки нового участка автомагистрали. Срок сдачи объекта...

Волна плавает.

КАШИН (*обращается куда-то наверх*). Будет развязка, говоришь... Не расслышал. Когда сие случится?

Голос из радиоприёмника.

...Скоро. Скоро поток автотранспорта...

Волна плавает и затихает

КАШИН. А-га! В очередной раз, небось, только внуки увидят процветающее завтра. Что же, пусть новая магистраль приведёт их в Эдем версии два ноль, где зазеленеют травы, зазвенят дубравы и зажурчат прозрачные ручьи; где в местном сельпо появится кассовый аппарат и свежее пиво; где вечерами зажгутся неоновые фонари и заиграет одинокая виолончель. Возможно, и мне когда-нибудь доведётся посетить это место. И тогда я с трогательной ностальгией вспомню сегодняшние обстоятельства, суеверную чушь и

старую дорогу до центра культурно-общественной жизни любого нынешнего садоводства с магазином, доской объявлений и таксофоном. Вот и они.

Кашин подходит к таксофону.

КАШИН. Позвонить что ли? Разом разрушить интригу и после вполне внятных ответов прямо отсюда податься восвояси вольным соколом, унося на крылышках гордую обиду и твёрдое намерение ни за что, никогда впредь не быть идиотом. Не получится. Во-первых, поводов быть или слыть идиотом предостаточно и без дополнительных усилий; во-вторых, для латентного мазохиста пока маловато болевых ощущений. И, в-третьих, хватит ёрничать: некуда звонить ни с таксофона, ни с мобильного. Здесь не городская Маринина квартира с добрым стационарным аппаратом, который иногда соединяет её и меня без свидетелей. Обычный трёп, три минуты, а артериальное давление всё же подскакивает, гоняет кровь по организму в целом и в конкретные места тоже. Факт для меня удручающий, гипертония – это само собой, а любопытное исключение из всеобщей гаджетизации населения: выяснилось, что у Марины нет личного телефона. Нет то, чтобы она не хочет его иметь, не положено супругом. Бред! Новозеландское табу от главного людоеда. Выжимка из книги Домостроя, издание не исправленное, но дополненное. Но она с этим молча соглашается, и, подумав, становится совершенно ясно: почему.

Кашин подходит к доске объявлений.

КАШИН. Так, пощупаем лучше пульс деловой жизни... Дрова, дрова. Отдых... Погрузка, разгрузка. Отдых... Любые виды... чего? не разборчиво. Отдых... Да, делу время, потехе отдых 24 часа... Вот забавная информашка: «Свежий навоз напрямую от производителя. Любые объёмы». А подпись, очевидно, должна быть «Авгий». К нему и с претензиями по качеству товара, ежели что. Скукотища!

Надеюсь, в этом милом супермаркете ни у меня, ни ко мне претензий не возникнет.

*Кашин входит в магазинчик. Перекрывая весь прилавок, стоит мужчина в грязном
цивильном костюме, в стоптанных кирзовых сапогах. Нетрезвый.*

КАШИН. День добрый! Бутылочку минералочки отпустите?

МУЖЧИНА. А в... А в...

КАШИН. Понял, понял. Ты – Авгий? Я Роман. Слушай, у тебя есть брат-близнец? Не гаишник, часом?

МУЖЧИНА. А в... торец?

Мужчина бьёт, но промахивается, и валится в витрину со средствами гигиены.

КАШИН ПРОДАВЩИЦЕ. Сколько с меня за минералку и ...?

ПРОДАВЩИЦА. Не беспокойтесь. Это мой поставщик товара. Застрял на свадьбе, третий день пьёт.

КАШИН. Как бы он там внизу шампунем не захлебнулся.

МУЖЧИНА. Гадость. Горько. *(Поёт)* Кричат им горько! А горько мне-е-е!

Кашин на улице.

КАШИН. Фу-у, духота. К дождю, должно быть... Не беда, тут уже близко. Остался, так сказать, последний финишный рывок. Я, вообще, чувствую себя бегуном-самовыдвиженцем на дистанции с препятствиями. И чем ближе финиш, тем барьеры становятся выше, иные приходится сбивать по ходу, только ямы с водой не хватает. С водой точно не будет – пересохло всё: и земля, и горло, и восемьдесят процентов всего состава организма. *(Пьёт минералку, поливает ею голову)*. Знаю, первое место уже занято, знаю, бег мой – вне зачёта. Знаю, до финишной черты один поворот. Чего я не знаю, где взять силы... принять, то, что за ней. Хорошая песня! *(Поёт)* Кричат им горько! А горько мне-е-е! *(Уходит.)*

Соседи семьи Демченко. Супружеская пара очень почтенного возраста.

Появляется Кашин, подходит к старику.

КАШИН. Добрый день, почтенный. Где бы водички набрать?

СТАРИК. Чего? Водички? Мать, принеси кружку воды.

КАШИН. Да нет, где здесь колонка или колодец? Мне машину помыть.

СТАРИК. Мать, отнеси кружку обратно. Нетути такого. Водопровод еле каплет.

КАШИН. А пожарный пруд, озеро, море, мировой океан?

СТАРИК. Да иди ты... У помойки лужа есть, если не пересохла.

КАШИН. В направлениях разбираешься. Молодец... Что-то вы мне сегодня все на одно лицо кажитесь. В органах не служил? Или агентом по снабжению?

Кашин отходит в сторону.

СТАРУХА. Дед, а чего так дерьмом несёт? Ты, что в новые штаны наклал? Я стирать...

СТАРИК. Да не чую я. Насморк. Принеси мне капли!

КАШИН. Унюхала, старая. А кроссовок надо замыть. Ау, небеса! Это же удар под дых, явный перебор. Понимаю, вы там со смеха давитесь в обеденный перерыв, но бросать навоз под колёса просто хулиганство. Я всё равно вымою машину, хоть из пипетки воду из крохотного пруда носить буду, а приеду к Марине в должном виде. Подсобили бы, а-а. Ну, громыхните в знак согласия и дождичка бы на полчаса.

Гремит гром, начался дождь. Кашин и соседи семьи Демченко уходят.

Появляются Марина с банкой краски, кистью в руках и Лёня.

МАРИНА. Ух, ты! Гром среди ясного неба и ливень. Такой вряд ли зарядит надолго. Лёнчик, иди скорее сюда, под навес. Переждём. После закончим.

Лёня встаёт рядом с бабушкой.

ЛЁНЯ. Да, обидно, чуть-чуть не успели. А нехилый дождик!

Марина и внук восторженно смотрят на ливень.

ЛЁНЯ. Вот оно в действии.

МАРИНА. Что оно?

ЛЁНЯ. Явление интерференции. Из физики.

МАРИНА. А-а! Красивое слово. Ин-тер-фе-рен-ция. И картина получается эффектной: вроде бы хаос, но всё закономерно. Из физики, говоришь... Однако, точь-в-точь как у людей, наглядно: живём тесно, от каждого волны расходятся. Волны любви, ненависти, доброты, зла, бескорыстия, зависти. Волны веселья, грусти, счастья, горя. Всего и не перечислить. Волны ширятся, сталкиваются, усиливая или гася друг друга. Чувства, желания, порывы – вибрации наших душ – они всегда под ударом встречных обстоятельств. Всегда их глубина, яркость, чистота уязвимы и нуждаются в поддержке и защите. Иначе они блёкнут, гаснут, лопаются, как пузыри в грязных лужах. *(Замолкает.)*

ЛЁНЯ. Слушай, ба, ты отдай мне банку, я сам докрашу. А ты...

МАРИНА. Опора ты моя. Ладно, держи. Положи два слоя. Ну, знаю, знаю, что знаешь, знаю, что не маленький. Только под дождь не лезь. Я над обедом поколдую, салатик там, квасок... Через полчаса позову. (*Уходит.*)

ЛЁНЯ. Я мороженого бы съел... Не слышит... Ничего, хватит просто очередного волшебного обеда... Мастерница. И я кое-что *умею* делать правильно. Например, в два слоя красить. Семь минут и готово... Да, вообще ба классная. За что я её люблю? Для этого надо сказать миллион слов, а может и больше, но я не знаю их всех, и говорю ей только самые обычные. Я вообще знаю слишком мало, но моя ба – она вовсе не напрягает с наравоучениями и дотошными проверками домашних заданий, не лезет со взрослым занудством наперевес в борьбу за подрастающую смену, а мудро и просто говорит о нашем прекрасном и ужасном мире. Огромном мире вокруг, где самый маленький-премаленький червячок важен и имеет право жить. У всего, от пылинки до самой далёкой звезды, есть своё предназначение, но не всему есть оправдание. Вопросы... вопросы... Ветер в океане топит несчастные корабли, в поле приминает траву и разносит пыльцу, а на подоконнике мирно листает томик стихов. Так кто он, ветер: враг? друг? Или ещё. У меня там, в доме на стене, висит большая подробная географическая карта, и на ней труднее всего разглядеть крупные надписи. Как найти *своё* главное большое дело? Да, повторяю, я знаю слишком мало, но многое понимаю... Очень обидно быть чуточку другим... Как не потерять маленькую надежду? Стоит ли прощать? «Да» – уверена бабушка. «Нет» – утверждаю я. Мы про многое говорим, спорим, даже ругаемся. И я горжусь, что в нашем общении она становится тоже немного другой... оживает что ли. Нет, нет, что это я? Она всегда, словно горная речка, не может не бежать, всегда при деле, всегда всё вымыто, выстирано, убрано, сварено. Или как сейчас – выкрашено. Сколько молчаливого терпенья у неё на всё и на всех! Но душа... Я знаю, наверное, знаю, её секрет, но никому-никому не скажу.

Дед... Мой дед молоток. И как молоток он строже, жёстче. Чтобы мимо, по пальцу – это нет. Бьёт точно в цель. Ого-го! От его глаз не скроешь промах, лучше сразу признаться, тогда он всем сумеет показать, как оно надо. Деда всегда много: в пространстве, в работе, в разговоре. Он у нас главный: на службе, в городской квартире, в машине за рулём, в бане, за обеденным столом, у телевизора. Молчу уже про дачу. Это его детище, вотчина, удельное княжество. Мне кажется, что даже комары пищат и кусают по его команде.

Мать... Красивая, суетная... Она меня, конечно, любит... А вот её знакомый, дядя Коля ... Купола на нём как настоящие, но сам он фальшивый, нехороший человек. Он

ёжика убил... Завтра приедут ко дню рождения, и начнутся байки про асоциально-поведенческую модель своей жизни. Мне не интересно с ними.

Лучше всего на даче вдвоём с бабушкой. Как сегодня... Ба, а, ба!

Голос Марины.

Что, Лёнчик? Дождь кончился?

ЛЁНЯ. Кажется, заканчивается... Я хочу сказать, что там за клоун в одних труселях вокруг машины скачет?

Голос Марины.

Да у нас вроде как нет знакомых клоунов.

ЛЁНЯ. Я и говорю: не наш ковровый... Так я докрашу?

Голос Марины.

Давай по скорому. Потом вымой руки и за стол... Ай!

ЛЁНЯ. Что случилось?

Появляется Марина.

МАРИНА. Нож уронила! Гость будет. Рановато для поздравлений, да и примета плохая. Гороскоп мой сегодняшней, для Весов, предупреждал.

ЛЁНЯ. Брось, ба, не переживай. Сказки это!

МАРИНА. Нет, Лёня, не сказки. Пойдём.

Марина Лёня уходят. Появляется Кашин.

КАШИН. Ни калитки, ни забора. Просто аккуратные ступеньки над дорогой на приподнятый дачный участок (*спотыкается*). Ёханный... Ступеньки аккуратные, а я слепой крот... Дверь во времянку открыта, но, ни возле неё, ни в глубине участка, ни у роскошного зимнего дома никого нет. Тишина, только капли дождевой воды со звоном, мерно шлёпают в бочку с водой... П-П-П... Время истекает.

Время истекает неотвратно. Оно жадно поедает нашу жизнь и довольно скоро всё кончится. Нас больше не будет. Мы исчезнем. Безвозвратно исчезнет то, что делает нас самими собой, каждого неповторимым, единственным «я». А всё потому... Потому что нельзя ни по наследству, ни по завещанию, ни по доброй или злой воле, передать зыбкий градиентный мир обретенных эмоций, мир тончайших, едва уловимых интонаций на языке привязанностей, дружбы, любви, наконец. Для нас, нынешних, своевольная память превращает одинаковое прошлое, порой, лишь его тени, в боль или радость, в ненависть или нежность, в отчаяние или надежду – каждому в своё или в ничто. Постороннему большинству, даже при желании, невозможно ни понять всей её ценной механики, ни сохранить.

Я хочу услышать до боли близкий голос, и память, как всегда, услужливо перенесёт меня в нашу семнадцатилетнюю даль, полную безмятежной любви, ещё свободную от будущих ошибок. Впереди целая непрожитая жизнь, лист чистой бумаги, а счастье уже есть, его так много, что, кажется, хватит навсегда. Тогда почему сейчас вместо него какой-то суррогат?

Жизнь, как мера времени, не знает жалости, и мы изменились. Нас заставили стать суетливыми в достижении мелкого сиюминутного благополучия текущего дня и панически боязливими завтрашней неопределённости. Эта возня вошла в привычку, пиявкой присосалась к сознанию, и осталось очень немного, что ещё может заставить нас отчаянно биться за светлое вчера...

(Брызгает из бочки с водой себе на лицо. Стучит по бочке. Выдавливает из себя по слогам в разной тональности, то с хрипотцой, то звонко.) Хозяева!

Голос Марины.

Кто там?

Появляется Марина с белыми губами от молока, со стаканом в руке.

МАРИНА *(растеряно, сбивчиво)*. Это ты... Здесь полно народу... Мы времянку красили. А теперь вот... Хочешь? *(Марина шёпотом.)* Ты с ума сошёл. Зачем ты приехал!?

КАШИН. Поздравить, наверно... Телефона нет... Я сейчас уеду.

МАРИНА. Я не знаю, не знаю. Телефон есть в городе. Да, там намного проще...

КАШИН. Извини, свалял дурака.

МАРИНА. Спасибо, конечно. То есть, конечно, уезжай!

Кашин дотрагивается до губ Марины, стирает молоко, пробует на вкус.

КАШИН. Свежее... Как всегда... (*Медлит, потом, уходя, спотыкается.*) Ёханный... Как всегда... Всё закономерно, так и должно было произойти. Нет *ничего* нового. Тогда почему невыносимо тоскливо, до крайности безнадежно. Не потому ли, что в который раз не случилось того, чего я терпеливо жду: полшага навстречу. Безусловно, Марина обязана меня выгнать, но перед этим, перед этим-то... был шанс. (*Уходит.*)

МАРИНА. Жаль, что так вышло. А может ещё... Нет: соседи, внук... Я поступила правильно. Роман должен был уехать немедленно. Но я не сделала даже полшага ему навстречу. Почему же я не смогла, он ведь ждал, а я хотела... Полшага... Никогда! Не имею права. Дальше – пропасть.

Появляется Лёня

ЛЁНЯ. Ба, а кто это был?

МАРИНА (*не обращаясь к внуку*).

«Настанет долгий день.
Умрёт далёкая звезда.
И будет свет, и будет тень,
И много пота, и зерна.
Затем настанет ночь.
Взойдёт далёкая звезда.
И будет сын, и будет дочь,
И вдоволь хлеба и вина.
Я не могу понять сама,
Кто ты, далёкая звезда».

Марина уходит.

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

На следующий день.

Садовый участок семьи Демченко. Лёня сидит на ступенях крыльца, читает книгу. Слышится мужской и женский голоса. Появляются Алёна и Николай.

АЛЁНА. Чёртова дорога, чёртов автобус, чёртова дача! Ещё эти ступени вверх. Дай дух перевести.

НИКОЛАЙ. Лепишь, дорогуша. Дачка правильная. У Петра Петровича, всё на мази. Уважуха!

АЛЁНА. Ну, ты что! Ведь обещал... Вон Лёнька сидит, всё слышит, соседи насторожились. Повтори на русском.

НИКОЛАЙ. А это и есть самый русский... Ладно. (*Громко.*) Ошибаешься, дорогая. Дача отличная. Пётр Петрович прекрасный хозяин. За это ему моё уважение.

АЛЁНА. Так лучше. И давай-ка, на будущее... следи за метлой... Папа на дух не переносит блатной жаргон, а вместе с ним и всю криминальную свистопляску. Он не рассказывал, но я и так знаю, что папа, так сказать, крупно повздорил с системой, когда к его тогдашнему небольшому кооперативу подкатили братки по вопросу крышевания. Он ждал этого момента, ведь глупо отрицать очевидное: система рядом с каждым. Отец всех послал идти лесом, система нехотя согласилась. С тех пор у него шрам и твёрдое намерение и впредь жить по собственноручно установленному порядку. Меня до сегодняшнего дня наш порядок вполне устраивал... Захвати и мои сумки, заноси в дом, к нам на второй этаж... Эти оставь, на кухню я сама дотащу.

НИКОЛАЙ. Командуешь, папина дочка... Ведь тоже обещала... (*Идёт мимо Лёни.*) Привет. (*Ухмыльнувшись, но тише.*) Понедельничек...

ЛЁНЯ (*ровно*). Здравствуйте, дядя Коля...

НИКОЛАЙ. Всё читаешь? Зенки не окосеют?

ЛЁНЯ. Да. Нет.

НИКОЛАЙ. Про что пишут?

ЛЁНЯ (*терпеливо*). Один молодой человек приехал в Париж...

НИКОЛАЙ. Париж...Где он, Париж, а где мы... Хочешь, я лучше, тебе анекдот расскажу?... Фраер откинулся...

АЛЁНА. Николай! Заноси сумки.

ЛЁНЯ (*упрямо*). А в Париже он познакомился... Я не понимаю! Мама, зачем со мной так!

Николай уходит. Лёня подбегает к матери.

АЛЁНА. Он шутит, шутит... Ну, поцелуй, маму. Вот так. Устала я очень, обнять тебя, и то сил нет. Пока тащились от остановки, все руки проклятые пакеты оттянули. Давай, помогай. (*Идёт с сыном к крыльцу.*) Осторожно! Там стекло... Оставь, оставь... (*Садится*

на ступеньки крыльца.) Принесёшь что-нибудь попить?.. Ладно, не надо, я потом сама... Как себя чувствуешь? Ой, руки мои бедненькие, ой, ноженьки...

ЛЁНЯ ВСТАВЛЯЕТ СЛОВО. Нормально с утра было. Теперь вот скулы сводит и зубы ноют...

АЛЁНА. Зубы? Это, наверняка, от сладкого... Балует тебя бабуля наша. А кстати, где она?

ЛЁНЯ. Мухи равнодушны к сладкому, и липнут... к дяде Коле. В магазин бабушка ушла, скоро вернётся.

АЛЁНА. Всё пикируетесь, острословы... В магазин? Зачем это? Мы всего столько привезли, что и для гостей не стыдно на стол поставить, и на неделю вперёд ещё хватит. Дед... Дед тебе привет передавал... Сказал, он сегодня не сможет приехать, занят, а завтра прямо к банкету. Жди... привезёт газировку, ещё что-то... Спиртное также, но это разумеется, для взрослых... Да не дуйся, сын! Смотри, что тебе мама купила... «Три мушкетёра». Тебе понравится.

ЛЁНЯ. Мне уже понравилось. *(Показывает книгу, которую читал на крыльце.)* «Три мушкетёра». Второй раз перечитываю. Как это тебе нравится?

АЛЁНА. Ну, мама... Ведь это она?

ЛЁНЯ. Не надо, не ругай... Твоё издание очень приличное. Спасибо! Правда, здорово!

Алёна встаёт, собирается занести пакеты на веранду.

АЛЁНА. Ладно, защитник... Пойдём... Расскажи мне, как вы тут живёте?

Лёня начинает рассказывать и они уходят.

Появляется Николай.

НИКОЛАЙ. Шмотья набрала как челночница поездная. Я молодой был, ещё застал этих навьюченных баб. Помню, работали тогда одну на польской границе в паре с друганом... Чисто! Как она соплёй шмыгала, сумки свои клетчатые под себя подминала, курица-несушка, сучка, товарка заводная... Вот и моя, словно мы ещё на курорте, дюжину лифчиков навезла... *(Потягивается.)* О! Просто центряк! Кайфуют парижане... Стоп-кран! Алёнка права. Люди здесь в округе живут авторите... интеллигентные, насквозь чувствительные, зачем их смущать. Если я хочу именно в этом палисаднике пустить корни, надо заставить себя засунуть по глубже выражения, в каких изъясняется половина народонаселения. Картины мои пусть красуются, мне за них стыда нет, да и не хуже паспорта они. Человека, при надобности, предъявить смогут... Вот, жил себе, Колька-

баян, как на душу фарт положит. Играл с судьбой в очко, пришло пару раз к одиннадцати туз. Так и продолжал бы, пока не загнулся где-нибудь на этапе или тубзоне. Если б не Алёнка, верняк. Это не девка, омут какой-то. Перепахала жизнь трактором, красивая! Не в подпол ко мне спустилась, а на свою ступеньку вытянула. И то, характер у бабёнки папашин, а уж Петр Петрович – цементная смесь. Бугор, бугорище! Конечно, лет пятнадцать назад ещё неизвестно, как сложился бы разговор насчёт поделится, если бы его вёл я...

Появляется Пётр Демченко

ПЁТР. Будь уверен, сложился бы также, как я его сложил с теми отморозками в турецких спортивных костюмах и интеллигентным очкариком в длиннополом кожаном пальто. Мордой в пол и кровавые сопли на золотых цепях. Правда, в следующий раз, уже другие, действовали хитрее: нож едва не задел печень, но пол и сопли никто не отменял. Пришлось Марину и Алёнку отправить на другой конец страны на богом забытый хутор и переписать на жену всё имущество. Обошлось странным образом: братство десанта, разделённое исковерканными судьбами, распадающееся вместе с великой державой, вдруг напомнило о себе в самый критический момент, когда на бетонном полу лежал уже я. Мы выпили мировую и разошлись навсегда. Судьба...

НИКОЛАЙ. Судьба не свела, можно сказать, миловала. Я теперь понимаю нутро Петра Петровича, понимаю кайф от владения *своей* собственностью и сам хочу... пойти дальше без попутчиков.

ПЁТР. Без попутчиков... Для кого попутчики, для кого люди, ближе которых нет на свете. До чего же обидно, больно и очень стыдно за собственные промахи, когда понимаешь: дочь в тебе, как в отце, больше не нуждается. Её что-то ещё удерживает рядом, возможно, привычка или расчёт, но время ушло. Другие, чужие люди шепчут на ухо как ей жить, перечёркивая все надежды на былую взаимную привязанность. Вдвойне страшно, что советы даёт такое дерьмо, как перекусившийся урка. Хитрым себя мнит, планы строит. С огнём играет.

НИКОЛАЙ. То-то жизнь настанет. Алёну женой сделаю, наследник появится, но не сейчас, рано сейчас... Под ногами мусор, дрянь ненужная, но с казённой бумагой не поспоришь.

ПЁТР. Будь уверен, документы оформлены со всей тщательностью. Я смотрю за тобой!
(Уходит.)

НИКОЛАЙ (*делает поясной поклон*). Спасибо Петру Петровичу. Он-то подстраховаться хотел, понятное дело, и верит, что старуха из-под него не выскользнет, а мне головняк лишний. Ничего, бревно старое, трухлявое и живёт лишь молокососом недоделанным. Стоит только сильнее на свечку подуть, и моё время настанет... Ночью под мой баян гулять будем! Ночью!

Николай слышит смех, разговор Алёны с сыном и уходит

НИКОЛАЙ. Вот с понедельника... Э-ка! Удачно сравнил! И начну, вернее, уже начал.

Появляются Алёна и Лёня

ЛЁНЯ. ... Тут лягушка как прыгнет, а ба как вскрикнет. Ну, цирк натуральный!

АЛЁНА. Да, весёлая хохма... А ещё что?

ЛЁНЯ. Разное. Вчера был просто невероятной силы ливень. Но короткий. Как он закончился, мы в лес за брусникой ходили. Ягоды совсем мало. Лес остался сухим, вся влага мгновенно впиталась, лишь в низинах остатки дождя ещё хлюпали под сапогами. А между мшистых бугров он оставил небольшие лужи чёрной воды. Едва обошли эти невесёлые места, вышли к поляне с брусникой. Там и насобирали по полкорзинки. Хватит ли на пироги, не знаю, а морс бабушка обещала приготовить.

АЛЁНА. В лесу-то не страшно?

ЛЁНЯ. А чего там бояться. Я его знаю, всё знакомо: тут тропинка, там крапива, тут лось... э-э... в общем проходил, там люди тоже... мусор за собой не убрали. Бояться надо неизвестности. Я моря поначалу боялся бы.

АЛЁНА. Моря? Почему моря? Разве оно тебе не знакомо?

ЛЁНЯ. Я знаю, каким оно может быть. По рассказам, фильмам, картинам... Но какое оно настоящее – нет.

АЛЁНА. Море большое, ласковое...

ЛЁНЯ (*перебивает*). Почему ты не взяла меня с собой?.. (*Пауза.*) Зря я спросил, я бы и сам не поехал. Дел много. Времянку вот в порядок привели... У тебя на локте следы краски... Ступеньки на участок с дедом бетонировали... Вчера мужик на них едва не растянулся... Прополоть, скосить...

АЛЁНА. Постой-постой! Какой ещё мужик?

ЛЁНЯ. Я толком не знаю. К вечеру только вспомнил: в городе как-то он меня и бабушку в поликлинику подвозил. Тогда у деда машина...

АЛЁНА. Да-да... Припоминаю... Вот значит как... У дедушки что-то сломалось... И у бабушки начались покатушки.

ЛЁНЯ. Да ты у неё спроси.

АЛЁНА. Спрошу. Обязательно спрошу.

Появляется Марина

ЛЁНЯ. Вот и она. Ба, мама спрашивает...

АЛЁНА. Погоди... Иди, почитай, займись что-нибудь...

Лёня нехотя уходит.

МАРИНА. Куда это Лёнчик?.. С приездом, доченька. Как добрались? Отца нет?

АЛЁНА. Машины, как видишь, нет и отца нет... Мы с Николаем автобусом... Папа завтра перед гостями подъедет. Во всяком случае, так планировалось.

МАРИНА. Что значит, планировалось? Что-то может измениться?

АЛЁНА. Почему нет... Один предполагает, другой располагает... Я, например, думала, что ты нас на остановке встретишь, сообщение послала, а ты в магазин ушла. Что там тебе понадобилось?

МАРИНА. Извини, дочка, так вышло... Лёнчик вчера мороженого попросил, я и пошла. А в магазин, как назло, на переучёт закрыли. Драка там что ли была, стёкла побили. Пришлось сегодня... Вот принесла... Хочешь в стаканчике или на палочке?

АЛЁНА. Стаканчик на палочке... Ты, мама, бываешь... невыносима... Прямо растворяешься... Что, я сыну мороженого привезти не могу?

МАРИНА. Я предполагаю, что... Не знаю... Не уверена.

АЛЁНА. Ты не переживай понапрасну за других, не накручивай себя. Сердце побереги. Пузырьков у тебя на тумбочке целый строй стоит. Блистеры начатые везде разложены. Лекарства нынче, сама знаешь...

МАРИНА. Я с завтрашнего дня перехожу в льготную категорию граждан и решительно надеюсь, что государство меня таблетками обеспечит. Всё. Зови всех чай пить.

АЛЁНА. Хорошо. Давай пока выпьем чая. Николай! Лёня! Идите сюда!

Марина готовит чайный стол.

НИКОЛАЙ. Что здесь? Чай? Разве наступил five of clock? Позвольте мне, Марина Витальевна, засвидетельствовать, так сказать, с совершенным почтением своё бла-бла-бла, однако, с величайшим сожалением вынужден отказаться от любезно предложенного вами чая и удалиться, захватив с собой пенный прохладный напиток... Алёнка, пузырь пиваса из холодильника выкати... Я к бане почапал. (*Уходит.*)

МАРИНА. Фигляр.

АЛЁНА. Просто весёлый.

Прибегает Лёня. Хватает что-то со стола.

МАРИНА. А чай?

ЛЁНЯ. Не, ба, не хочу! Там кот с дерева слезть не может (*убегает*).

МАРИНА (*вдогонку*). Сам на дерево не лезь. Ты его колбаской, колбаской примани... Убежал... Впрочем, какого современн-ого-го кота простой колбаской соблазнить удастся? Да и колбаса ныне... не та.

АЛЁНА. Кошка мяукнет он и спрыгнет.

МАРИНА. Спрыгнет, если кошка из хорошей семьи и с недвижимостью.

Молчаливая пауза

АЛЁНА. Мама, не надо.

МАРИНА. Ты же вроде хотела.

АЛЁНА. Я не о чае. Ты с ума сошла.

МАРИНА. Не говори со мной так, дочь. Так о чём ты?

АЛЁНА. Извини, просто я беспокоюсь о тебе, о папе...

МАРИНА. Ах, вот о чём, оказывается, «мама спрашивает»... Что тебе рассказал Лёня?

АЛЁНА. Вижу, мы понимаем друг друга. (*Пауза*). Открытое обсуждение проблем, искреннее желание понять, уважение чужого мнения... Не пустые слова. Так у нас в семье и поныне принято. Я росла на этом.

МАРИНА. Да, верно. Мы с отцом старались избегать пустых деклараций. Также верно то, что и сегодня мы остаёмся приверженцами базовых понятий семейных отношений... Оставим пафосный тон. Итак, ты росла. Что же случилось дальше? Очевидно, ты выросла. И?.. Не пропали ли даром труды родителей? Пригодились ли они? Есть ли что передать своему сыну? Порадуй деда с бабкой... Нечем радовать нас, нас радовать тебе нечем... А по серьёзному, обидно и больно видеть, что выбрала ты другие, чуждые принципы...

АЛЁНА. Ты снова о Николае?

МАРИНА. Не перебивай, дай мне выговориться... Именно, *другие*, именно, *чуждые*. До наших семейных ценностей тебе давно дела нет. Тогда вопрос, зачем ты *мне* так настойчиво о них напоминаешь? Связываешь со своим беспокойством об отце. Намекаешь, не в первый раз намекаешь, на вероятность что-то там ему рассказать. Очень вовремя вспоминаешь о сыне, моём внуке... Я скажу, почему.

Ты боишься. Страх ослепляет тебя, говорит со мной от твоего имени, навязывает извращённую логику. Не дай бог, я захочу изменить свою жизнь. Это угроза рухнуть всему: образу жизни, планам и даже не столько твоим, сколько того, за которого ты так истово держишься. Да, я о Николае. Твоё высокомерие ко всему и ко всем; умение расстроить самые серьёзные, добропорядочные намерения в твой адрес, а ведь были и такие; непомерные амбиции; склонность к авантюризму; вместе с тем, нравственный инфантилизм, привели к Николаю. Ты вообще представляешь кто, откуда он? На что способен этот человек? Какие у него мысли? Вот, самое ближнее: задумайся, почему он до сих пор не женится на тебе. И главное, при всех положительных ответах – сможет ли Николай стать твоему сыну хорошим отцом? Наш мальчик... не простой. У него впереди сложное будущее. Малейший эмоциональный срыв сведёт на нет годы тончайшей работы, погубит его как личность. А он личность, ищущая себя, требовательная к себе. Он ждёт поддержки, тепла не только от меня или Петра, от вас. От тебя, моя дорогая дочь.

Пока я вижу обратное, хуже того: негативное отношение к ребёнку усиливается. Где вы провели отпуск? На море, вдвоём. А где был Лёня? Здесь, со мной. Ни одного звонка за всё время, ни одной попытки поинтересоваться его состоянием. Ещё и свой телефон выключили. Нет слов... Уверена, так захотел Николай, а ты ему просто во всём потакаешь.

АЛЁНА. Но сюда...

МАРИНА. Да-а, сюда вы заезжаете, по праздникам. Не надо быть особо проницательной, чтобы понять – Лёня его интересует гораздо меньше, чем зимний дом. Так, к слову напомню, который записан на меня. И дарственную я не изменю.

АЛЁНА. Что за намёки? Ты придираешься к нам. У нас настоящая любовь. А Лёня... Ты хорошая бабушка.

Марина. Я – да... И если для внука потребуется, чтобы я сошла с ума, я так и сделаю.

АЛЁНА. Я тебя услышала, мама. Теперь моя очередь, выслушай меня. Проблем, действительно, много и решать их будем мы вместе: я и... Николай. Он мой мужчина, а я его женщина, по сути, не зная до него настоящего бабьего счастья, с жизнью наперекос. С ребёнком, едва ли не инвалидом, на руках. Я была готова бороться, была, но ты... Ты просто обрушила свою любовь на внука, как будто она нашла неожиданный

выход, отодвинула, освободила меня... от материнства. Это ты развязала мне руки. Виновата я, что перестала держаться за наш дом, искать в нём опору, утешение? Пожалуй, да. Виновата я, что хочу начать заново? Нет. А Николай – он универсальное средство для решения всех проблем. Он поможет мне переступить через любого, кто встал на моём пути. Любого, кто посягает, слушай внимательно, на твоё психическое здоровье. Я надеюсь, что мы и сейчас поняли друг друга, мама. И желаю добра и любви: тебе с отцом... Что до Лёни... Я – мать, имею право... От тебя зависит... Молчишь...

Молчаливая пауза.

МАРИНА. «От камня, брошенного в воду,
Расходятся круги.
Бессмертья нет, они не могут...»

АЛЁНА. Только, пожалуйста, не утомляй меня поэзией... К чему этот туман?

МАРИНА. Хорошо, утомлять не буду... Тумана тоже нет. Наоборот. Мне с неожиданной ясностью представилось, что, если камень бросить не в воду, а в чьё-то любящее сердце, круги никогда не исчезнут. Пройдёт минута, год, десятки лет, и интерференция судеб сделает из них опасное оружие. Они погубят бросившего камень. Это не самое страшное. Они могут погубить невинных... Если отец тебе по-настоящему дорог, он ничего не должен знать. Мой муж не заслужил неблагодарности, он чист. (*Уходит.*)

АЛЁНА. Он джокер в моей колоде.

Алёна направляется в сторону бани.

АЛЁНА. Коля! Николай! Да, отзовись же! Ты здесь?

Возня в бане. Голос Николая

Я не здесь. Я в жопе... Интеллигенция, видимость одна, засрали всё.

Николай выходит испачканный золой.

НИКОЛАЙ. Алёнка, что ты лыбишься?

АЛЁНА. Любуюсь... Обними...

НИКОЛАЙ. Я же чёрный весь.

АЛЁНА. Ты в золе, я на метле... Тьфу, стихи – это такая зараза.

Николай пытается затащить Алёну в баню.

НИКОЛАЙ. Ну ты что! Давай на веничках!

АЛЁНА. погоди... Не сейчас...

НИКОЛАЙ. Да я-то подожду, а...

АЛЁНА. Остановись, говорю. Разговор есть... С матерью только, что поцапалась. Наговорила ей всякого, но и в ответ наслушалась. Она никогда раньше голос на меня не повышала, а тут и надрыв, и холодная сталь... Что, голос, полное преображение. Как будто над кастрюлями, швабрами, унитазами, утюгами – над всей этой хозяйственной лабудой впервые за многие годы поднялась, и твёрдо заявила о своём праве судить, предупреждать о неминуемых бедах. Словно, трубный ангел...

НИКОЛАЙ. Скажи проще: ворона каркает. Про меня, значит, трёп был...

АЛЁНА. По всем прошлись... Отец, оказывается, ей дачу отписал...

НИКОЛАЙ (*жестко*). Знаю. Что ещё?

АЛЁНА. Не злись... Спрашивала, например, почему ты на мне не женишься.

НИКОЛАЙ. Не её дело.

АЛЁНА. Не её, наше. А всё-таки, почему?... Женись, а? Я тебе ребёночка рожу... здоровенького... А потом ещё...

НИКОЛАЙ. Тс-с... Тихо, невеста! О-па! Ангел твой трубный с мобилой в руках по углам шугается... Очень интересно...

Марина никого не видит

МАРИНА. Телефон взяла, а звонить, не звонить, ещё не решила. Алёна вполне определённо дала понять, что ни перед чем не остановится. И предложила сделку. Сделка с собственной дочерью... Это же надо, до какой абсурдности достают мои круги. Несчастливая девочка! Я принимаю твои условия, и дай бог, чтобы Лёнька тебя простил. Надо звонить. (*Крутит телефон в руках.*) Как этим пользоваться толком не знаю... Что здесь написано? (*Читает.*) «Встречайте на автобусной остановке. Алёна. Николай». Ясно... Лёнчик, сорванец, ничего мне не сказал. Ну да, пусть дядя Коля попыхтит с багажом... Как же номер набрать? О! Пошло... (*Телефон на громкой связи.*) Тише, тише...

Разговор с Романом.

РОМАН. Алло! Кто это? Я слушаю...

МАРИНА. Рома, это я. Марина.

РОМАН. Марина... Что, что случилось? Что-то с тобой? В семье? Я не слышу, связь, чёрт...

МАРИНА. Успокойся! Я говорю, успокойся... Ну вот, хорошо. Ничего не случилось. Хотя после твоего вчерашнего визита...

РОМАН. Я же извинился, Марина. Или забыл... А что, жарко было?

МАРИНА. Ну, собственно, я и звоню... Ромка, слушай и не перебивай. Сегодня вечером, поздно вечером, скажем, к полуночи, приезжай сюда. Ко мне приезжай. Место выбери сам, я выйду, найду. Поговорим уже. Я знаю тебя и не спрашиваю, приедешь ли. По этому номеру не звони – это телефон внука. Всё, до встречи.

РОМАН. До встречи.

Марина уходит.

НИКОЛАЙ. Вот это да! Марину Витальевну, моралистку записную, тоже на венички потянуло.

АЛЁНА. Дурак!.. Дело серьёзное.

НИКОЛАЙ. Ещё какое серьёзное... Но я тебя, кажется, понял. Точно, детка! Отличный повод. Нам нужен скандал. Пора, пора встряхнуть стоячее интеллигентское болото, пора сменить до зевоты надоевший узор калейдоскопа старческого маразма на собственный пейзаж. И чтоб духу...

АЛЁНА. Коля, милый, что ты? Ты не слишком? Припугнуть только и довольно, а то как бы эти психологические этюды...

НИКОЛАЙ. Как скажешь. Как скажешь. Я для нас стараюсь, для тебя... жена. Не сомневайся и действуй!

Вечер того же дня. Гостиная хозяйского дома. За окнами дождь. В помещении: Марина, Лёня, Алёна и Николай. Все молча занимаются своими делами: Марина читает детектив, мальчик рисует, его мать с Николаем пьют пиво, смотрят телевизор.

ЛЁНЯ. Ба, я закончил. Хочешь посмотреть?.. Ба-а?.. Ладно, я позже...

АЛЁНА. Мама!.. Ау!

МАРИНА. Что? Что, Лёнчик? Дочка?

АЛЁНА. Ничего. Просто ты уже полчаса на одной странице застряла. Трудное место? Хочешь, подскажу, кто главный злодей?

МАРИНА. Давно поняла. Думаю только, как автор его накажет.

НИКОЛАЙ. Понятно... Встать, суд идёт! Так? А, Марина Витальевна?

МАРИНА. Не обязательно так. Справедливость найдёт способ реализоваться, но, безусловно, восторжествует. Школьные истины, Николай.

НИКОЛАЙ. У нас были разные педагоги, мадам. Я знал обратное и твёрдо усвоил, что саму справедливость каждый толкует по-своему. Слабый прикрывается ею, как щитом; сильный мнёт как мякиш. Но и тот, и другой считают справедливость исключительно в отношении себя, своей собственностью, ручной и она, как девка, готова обслужить любого.

МАРИНА. Мне не трудно с вами, Николай, спорить. Просто не хочется. Однако скажу: справедливость не имеет оттенков и это не инструмент для индивидуального выживания. Ею не пользуются от случая к случаю: хочу достану из кармана, хочу засуну за пояс. Справедливость, как мера соответствия между предполагаемым и существующим, сделанным и оценённым, понятие объективное. Но вы правы: каждый чувствует эту разницу, и остроту восприятия определяет...

ЛЁНЯ. Совесть. Нет совести у человека, и справедливость искажается.

НИКОЛАЙ. Ты меня ещё жизни поучи. В разговор встреваешь...

МАРИНА. Молодой человек! Советую вам обратиться к моей дочери за консультацией по базовым принципам, принятым в нашей семье. Алёна, как ты недавно красиво говорила: «Обсуждение. Уважение...»

АЛЁНА. Коля, милый, остынь. Пусть...

НИКОЛАЙ. Буду я перед каждым стелиться... Да выключи ты этот телевизор... Дай сигарету. *(Николай пытается закурить.)*

МАРИНА. Здесь ребёнок! Пожалуйте на улицу.

Николай в бешенстве идёт к выходу.

НИКОЛАЙ *(Марине)*. Прежде, чем измерять чужую совесть, не плохо бы в зеркале...

АЛЁНА. Коля, Коля... Мама... Ну что вы в самом деле... Лёня, покажи мне рисунок.

Николай выходит. Лёня издали показывает рисунок.

Марина между тем подходит к зеркалу, молча в него всматривается.

АЛЁНА. Ничего не разберу. Подойди, дай... Мать тебя просит, подойди.

Лёня подходит к Марине, отдаёт ей рисунок, затем подходит к матери.

ЛЁНЯ. Подошёл...

АЛЁНА. Что там нарисовано?

ЛЁНЯ. Это мой подарок бабушке на день рождения.

АЛЁНА. Я ничего не разглядела. Почему ты не дал его мне?

ЛЁНЯ. Это подарок бабушке на день рождения. Если она захочет, то сама покажет.

АЛЁНА. Мама?

Марина показывает рисунок издали, кладёт его в книжный шкаф между книг.

АЛЁНА. Сговорились... Ладно, поглядим позже. А сейчас...

В гостиную открывается дверь. На пороге Пётр Петрович Демченко.

АЛЁНА *(спокойным голосом)*. Папа приехал.

Пётр оглядывает комнату, подходит к дочери.

За ним в гостиную входит Николай.

Марина смотрит на часы, у неё в руках блистер с таблетками.

ПЁТР *(тихо разговаривает с дочерью, затем отчётливо)*. Хорошо... Позже... *(Подошёл к Марине, едва скользнул губами по её щеке.)* Здравствуй, Марина.

МАРИНА. Здравствуй, Петя. Так неожиданно... Ты не собирался сегодня приезжать. Что-нибудь случилось?

ПЁТР. Пока, нет. Просто освободился, соскучился, решил тебе помочь, порадовать, так сказать. Ты радуешься?

МАРИНА. Конечно, мне приятно, но я бы и сама справилась.

ПЁТР. Ничего, вдвоём сподручнее... Как сама? Бледна что-то.

МАРИНА. Погода испортилась. Я неважно себя чувствую.

ПЁТР. Знаешь, я тоже сегодня, как-то внезапно, почувствовал себя не в своей тарелке. Будто кто-то долго ходил, ходил вокруг моей тарелки, присматривался и облизывался и

вдруг выкинул меня из моей тарелки. А я люблю свою тарелку и никому не позволю из моей тарелки...

Возгласы: Петя!.. Деда!.. Папа!.. Что с ним?.. Лёня, воды!..

ПЁТР. Стоять! Смирно! Ничего не случилось. В моём доме ничего не может случиться без моего ведома... Здесь я решаю проблемы, я в ответе за ваши помыслы, за ваши поступки, я заключаю мир и объявляю войну... Я... Что, нагнал страху? Ладно, вольно всем!..

Мать, не нравишься ты мне...Иди к себе, приляг, отдохни...Марина! Слышишь? Иди к себе, приляг и отдохни...*(Ждёт пока Марина не выйдет.)* Николай, где ты? Как там у вас говорят: «Зашухарился?» Шучу... Давай, баню топи. Пойдём попозже попаримся. Так и быть, пройдусь хорошенько по твоим маслам.

НИКОЛАЙ. Баню? Я как раз, Пётр Петрович, колосники вычистил.*(В сторону.)* Шуточки твои...

ПЁТР. Хорошо, и мы очистимся от дерьма.

НИКОЛАЙ. Какого ещё дерьма?

ПЁТР. Обыкновенного. Коровьего или человеческого. Сюда ехал, машина буксанула в вонючей жиже... *(Подходит к внуку.)* Лёнчик. Здравствуй, дружок. Вижу, бодрячком, бодрячком... Ты со мной к машине, разгрузить сможешь, помыть. Лады?

ЛЁНЯ. Конечно, дед! Но машина должна быть заляпана в... этом...

ПЁТР. Не бойся, малыш, к тебе не пристанет. Вперёд, бегом марш!

Лёня с энтузиазмом убегает

АЛЁНА. Товарищ главнокомандующий, думаю, и мне надо будет кое-что сделать.

ПЁТР. По способностям, по заслугам, дочка... Приберись здесь, проветри. Накурено, пивом несёт...Прекращай уже кабак...

АЛЁНА. Как? А мне, казалось, для начала надо...

ПЁТР. Отставить разговоры! Я сейчас предельно ясно и громко выразался. Или повторить? Николай, ты ещё здесь? И чего ждём? Всё! Всё! За работу!

Алёна остаётся одна.

АЛЁНА. Ничего не понимаю. Такой мягкотелости я от отца не ожидала. Расчёт на нетерпимость характера к любому «отклонению от вертикали» не сработал. Неужели не

поверил или не понял? Я, правда, лишь намекнула. Мне и теперь кроме слов нечего предъявить. Свидетелями телефонного разговора были я да Николай, а папа в последнее время к нам... недоверчив. Факты, веские доказательства нужны... Их нет... Разве, что... Лёнька. Почему бы ему не рассказать деду то, что случайно рассказал мне. Ага! Но, попробуй, заставь его. Стервецом вырос, мать ни во что не ставит, бабка на первом месте. А та, хороша, совсем забросила хозяйство: печь в бане не чищена, пирогов нет, избу-читальню устроила... Книгу и ту на место не убрала. (*Алёна убирает книгу в шкаф, проводит пальцем по корешкам книг.*) Пылища... А это?... Лёнькин рисунок... Он, оказывается, неплохо рисует, и рисует то, что мне надо. Отличный повод обсудить с дедом этот трогательный сюжет... И де мой Николай?

Алёна направляется к выходу из гостиной, но в дверях сталкивается с отцом и Николаем, оба нагруженными коробками со спиртным.

ПЁТР. Поберегись! Куда убегаешь, дочь? Давай лучше покажи, где поставить, чтобы под ногами не путались, но и чтобы в доступе постоянном были. Сюда? Давай сюда... Николай, не кричи, ставь рядом... Напиться что ли? Повод есть: моя жена именинница. Помню, лет двадцать пять назад... А что вы стоите, друг дружку подпираете? А что вы вообще здесь стоите? (*Обращается к Алёне.*) В доме что, идеальный порядок? (*К Николаю.*) Помог донести, спасибо. Но баня...

НИКОЛАЙ. Спокойно, начальник. Там всё чики-пуки. Я подбросил. Температура...

АЛЁНА (*перебивает*). Папа! Сейчас удобный момент. Надо поговорить. Я по телефону не смогла всё толково тебе объяснить, волновалась, до сих пор в шоке...

ПЁТР. А ты выйди из шока. Сядь здесь, оба сядьте... Слушаю.

Алёна и Николай садятся напротив Петра Петровича.

Алёна незаметно передала Николаю рисунок, и тот с интересом стал его разглядывать.

АЛЁНА. Как и сказать не знаю... Мама... О, господи!.. Мама, с которой вы так долго... которую ты...

ПЁТР. Что ты мямлишь? Что мама?

АЛЁНА. Прости... В общем, мама тебе не верна... Ну, не то чтобы не верна... Прямой измены, возможно, ещё и не было, но её поведение с некоторых пор настораживает. Я молчала, понимая какой для тебя это будет болью, сама переживала, надеялась, что блажь

пройдёт, веря в крепость нашей семьи, порядочность, справедливость. Но увлечение, именно увлечение, слово «любовь» я не произношу, затянулось. Видимо, влияние этого чужого человека на маму сильнее чувства долга, благодарности тебе за счастливые годы жизни рядом под одной крышей. Надо пока не поздно помочь маме не совершить фатальную ошибку: она собирается пойти на назначенное ею свидание. Она должна понять аморальность и низость похотливого влечения, а ты, я знаю, ты сумеешь простить её и наказать того мерзавца, кем бы он ни оказался.

ПЁТР. Кем бы он ни оказался с размером ноги сорок с половиной...

НИКОЛАЙ. Да причём здесь размер лаптя? Твоя баба...

ПЁТР. Тихо... Свидание точно назначено?

НИКОЛАЙ. Да мы с Алёнкой своими ушами слышали, как Марина Витальевна...

АЛЁНА. Кроме того, этот недомерок имел наглость появиться здесь вчера. И если бы не непредвиденный свидетель, Лёнька, неизвестно ещё чем дело кончилось. Прости, папа, тебе неприятны мои смелые предположения, но факт остаётся фактом: они встретились, говорили. Спроси у внука сам.

ПЁТР. Не смей впутывать моего внука! Если хоть слово, полслова дойдёт до него...

НИКОЛАЙ. А собственно почему? Он взрослый и дела нашей семьи его напрямую касаются.

ПЁТР. Не торопись причислять себя к членам нашей семьи, Коля. И Боже тебя упаси...

НИКОЛАЙ. Больно ты грозен, Пётр Петрович. Басишь на тех, кто тебе глаза на правду открыл, а тех, кто изменяет и покрывает измену, тронуть боишься. Может потому, что не хозяин ты давно в своей хате, нищий сумасброд, страус с башкой в строительном песке. Вертят тобой как погремушкой жена гулящая да внук полуду...

АЛЁНА (*испугано*). Николай!.. Папа!

ПЁТР (*спокойно*). Пусть говорит. Я чужого мнения не боюсь. Ну, покажи, покажи, что ты там за козырь прячешь?

НИКОЛАЙ (*отдаёт в руки Петру рисунок*). В отличие от мальчишки я рисовать не умею. А тут всё так красочно и красноречиво.

АЛЁНА. Да, папа, это подарок маме на день рождения от Лёни. Фантазия, не больше, но эмоциональна, надо признать.

ПЁТР (*рассматривает рисунок*). Если это его подарок, то, как он у вас...

В дверях гостиной появляется Лёня.

Он возбуждён, слёзы в глазах.

ЛЁНЯ. Они украли его. Подлые, подлые, зачем вы украли мой подарок? Я не для вас, для неё. Ей можно, вам нельзя видеть. Вам нельзя так говорить про бабушку. Она чистая, честная, ей можно, нужно немного счастья, другого, не вашего. Вы гадкие. Я гадкий. Бабушка прости, я не знал, не думал... Я не сразу понял... Зачем я? Зачем вообще я?
(*Выбегает из дома.*)

*Присутствующие смотрят на
Петра Петровича Демченко. Пауза.*

ПЁТР. Марина где?

АЛЁНА. Кажется, спит... Я?

ПЁТР. Да, иди... Советую вспомнить, что ты – мать... Поняла меня?

Алёна, не ответив, схватившись за голову, убегает.

НИКОЛАЙ (*нейтральным тоном*). Пётр Петрович, может и я?..

ПЁТР. Может, Коля, может. Но лучше нам не мелькать и не суетиться. Это экзамен для твоей будущей жены. Хочешь ведь в жёны Алёнку мою?

НИКОЛАЙ. Хочу.

ПЁТР. Вот пойдём и потолкуем об этом. В баню. Захвати там из коробочки. И стаканчики.

*Прошло два часа. Стемнело. Дождь прекратился.
Чуть в стороне от ступенек на участок стоит Пётр Петрович. Он курит.
По ступеням спускается Марина, оглядывается. Замечает огонёк от сигареты.*

МАРИНА (*тихо*). Рома, ты? Что так близко? Разве ты куришь?

ПЁТР (*подходит ближе*). Курю, Марина, курю. Ты легко оделась. Смотри, прохладно, комары.

МАРИНА. Ничего, я ненадолго... Ты не в бане?

ПЁТР. Как видишь.

МАРИНА. Что-то в этот раз быстро. Пар не лёгок?

ПЁТР. Да, тяжеловат был поначалу. Сейчас немного легче... Тебя проводить?

МАРИНА. Не надо.

ПЁТР. А может не надо идти?

МАРИНА. Хочешь остановить? Это бесполезно, Петя, прости. Даже ты – сильный, добрый, справедливый – не можешь удержать меня от нескольких десятков шагов навстречу... истинной себе. Я, нынешняя, не сумевшая реализоваться мадам, на которую осознанно обрекла юную и влюблённую, но слишком практичную девушку, не имею никакого морального права прикасаться к чистым забытым чувствам, примерять их на себя спустя годы... Я бы и не стала, но совесть, Петя, она осталась. Я обязана исправить и тем искупить, предупредить и тем погасить, ставшую смертельно опасной, волну от

брошенного в любовь камня. Но, к сожалению, не убившего её, проклятую, навсегда... Меня уже ждут. Я пойду.

ПЁТР. Марина, погоди. Погоди, каяться. Ну, пошла какая-то там рябь, покачало на волнах, но лично у меня к жизни претензий нет. *Теперь нет тем более.* Не было и после нашего первого поцелуя аккуратно на свадьбе, хотя я отлично понимал, почему выбран я, а не... он. Я говорил судьбе спасибо. Позже, я не канючил, видя, как тяжело ты притираешься ко мне, как ломаешь себя в моём присутствии, но упорно продолжал копить и лелеять, словно крупницы золота в тоннах шлиха, редкие ласковые взгляды, тёплые слова, пусть не любви, благодарности за счастье заботиться о тебе, о дочери, о внуке. Я верил: моё время придёт, и оно пришло – ты... привыкла ко мне, я продолжал любить и говорить небесам спасибо. Трудности, проблемы, тревоги – это делилось пополам. Успехи, достижения, радость – всё умножалось надвое. Но...

МАРИНА. Но два года назад...

ПЁТР. Именно. Моя крепость, возведённая вокруг зыбкого счастья, дала трещину, и никаким цементом её не замажешь... *(Пауза.)* Он почти не изменился, и я с ужасом поймал себя на мысли, что вы созданы друг для друга. А я, хоть ничего и не украл, но всё-таки вор. Клянусь, Марина, я хотел уйти. Было просто невыносимо, каким бы молодцом ты ни держалась, видеть твои страдания и постепенное отчуждение. Но не мог.

МАРИНА. Продолжал любить...

ПЁТР. Да, и это тоже. Как ты сказала: «Совість, она осталась». Скажу без лишних слов: Николай.

МАРИНА. О, да! Не человек – фальшфейер, фальшпол, фальш-панель, насквозь фальшивый сукин сын. Ведь из-за него я должна...

ПЁТР. Марина, если причина только в этом поганце, не ходи, не рви душу. Он стал... неопасен.

МАРИНА. Вот сейчас не поняла.

ПЁТР. Позже объясню. Есть гораздо более важное дело. Кажется, Алёна сюда бежит.

Появляется Алёна. Она взволнована, запыхалась.

АЛЁНА. Папа, мама! Вот вы где. Я обыскалась, Лёнька пропал. И Николая что-то не вижу.

МАРИНА. Лёнчик? Как пропал, когда? Да вы что?!

ПЁТР *(обхватил жену за плечи)*. Марина! Марина! Ну-ка, возьми себя в руки. Не пропал, а куда-то убежал немного расстроенным. Уверен, скоро вернётся, здоровым и весёлым... Скажи, есть у него здесь где-нибудь укромные, тайные места. Шалаш, землянка...

АЛЁНА. Я не знаю.

ПЁТР. Где уж тебе знать.

МАРИНА *(всхлипывая)*. Есть, в лесу недалеко, шалашик. Он не говорил, но узнала... случайно.

ПЁТР. Ну, ясно, ясно... Сейчас возьму фонарик, и пойдём в гости.

МАРИНА. Да-да, конечно. Быстрее надо... Нет! Стойте! О, господи! Вон, кажется, Ленчик идёт!

Из темноты появляется Лёня. На нём чужая, не по размеру куртка, в руках тонкий хлыст.

ЛЁНЯ. Добрый вечер всем! Что за общий сбор? Что-то случилось?

ПЁТР. Нет, ничего этакого. Просто вышли комаров подкормить, тебя встретить.

МАРИНА. Лёня, как ты... Как ты себя чувствуешь?

ЛЁНЯ. По-моему, я чувствую себя взрослым дураком.

ПЁТР. Знакомое чувство. Запомни его. Впрочем, оно имеет свойство периодически возвращаться.

ЛЁНЯ. Да, не забуду ничего. Уж поверьте... А где... дядя Коля?

АЛЁНА. Да, кто-нибудь видел Николая? Я начинаю волноваться. Папа, ты с ним в бане был. Он ещё там? Да? Пойду к нему.

ПЁТР. Да, он там. Но тебе идти туда не стоит... Мне тебя жаль, дочка, Колька-баян никогда не сможет стать твоим мужем. Судьба злая, случай... несчастный. Мы выпили, может лишнего, а он пару наподдавал... Сердце и встало... Не ходи, Алёна, он некрасивый сейчас.

АЛЁНА (*убегая*). Не верю, не единому слову не верю! Скорую надо!

ПЁТР. Скорую вызывать поздно, но ещё не поздно жить.

АЛЁНА (*останавливается, оборачивается*). Это ваша жизнь, не моя... не моя... не моя. (*Уходит.*)

МАРИНА. Надо бы за ней присмотреть. Я пойду, мало ли.

ПЁТР. Не бойся, жена, в нашей дочери очень сильна одна черта характера – практичность. И откуда она только взялась? Догадаться не сложно. Без обид. А вот с кого снял куртку наш обожаемый внук? Говори без утайки... Да, ладно здесь все свои. Спроси у бабушки.

МАРИНА. Тебе её дал Роман э-э Сергеевич? Верно? Ты его повстречал...

ЛЁНЯ. Случайно, совершенно случайно. Я к шалашу, есть у меня место такое, бежал. Плакал. А тут он. С машиной. Я его сразу узнал, он меня тоже. Ну, в общем... Сели в машину, поговорили... Всё, дальше рассказывать не буду. Скажу одно, мужик Роман Сергеевич классный. Точка... Проводил меня, куртку дал. Я сдуру, как ребёнок маленький, приглашал зайти к нам, познакомиться поближе. Он только грустно улыбнулся: «Да мы, считай, всю жизнь знакомы». Потом смотрю, его нет, но тут уже близко до дому было. Я напугал вас? Простите.

МАРИНА. Ничего. Главное, обошлось. И я, и дед, мы теперь совершенно спокойны. Мир, полный тревог и надежд, для тебя не закрылся, наоборот, все дороги лежат перед тобою, все звёзды зажглись. Выбирай любую.

ЛЁНЯ. Выбирать? Выбираю вон ту... Видите, в окне старого зимнего дома, где никто не живёт, яркий отблеск. Горит как звезда. Далёкая, недостижимая.

ПЁТР (*сухо*). Это лишь отражённый свет автомобильных фар... Всё, погас.

МАРИНА (*не двигается, смотрит в темноту*). Уехал.

КОНЕЦ